

Андрей Зинкевич, Анна Зинкевич

NOMINA AGENTIS В ДЕТСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Объектом исследования в данной статье являются окказиональные новообразования в детской речи со значением действующего лица (*Nomina agentis*) типа нем. *Motorräder* досл. ‘мотоциклетчик’ или рус. *бояхина* ‘трус, боязливый человек’. Ниже представлены основные тезисы более обширной работы по сопоставительному изучению детской речи в русском и немецком языках.

Мы используем для анализа три основных источника подобных окказионализмов:

1. Исследование Йорга Майбауэра “Новообразованные *-er* дериваты в процессе овладения языком. Результаты одного длительного исследования” [Meibauer 1995]. Корпус этого исследования содержит 250 спонтанно образованных детских дериватов с немецким суффиксом *-er* (примерно соответствующего рус. суффиксам *-чик*, *-ник* и под.).

2. Примеры из логопедической практики Анны Зинкевич при приёме немецко- и русскоговорящих детей в г.г. Кёльн и Леверкузен (Германия).

3. И, наконец, “Словарь детской речи” В. К. Харченко [Харченко 1994].

Как видно из используемых источников, наша работа носит сравнительный характер, делается на немецком и русском материале и, как будет отмечено позже, к сравнению привлекаются и т. н. бристоольские нормы овладения языком [Clark 1993]; а также *The Bristol Norms for Age of Acquisition* – http://language.psy.bris.ac.uk/bristol_norms.html. Для экономии места мы опускаем точные ссылки на источники для каждого слова.

Первая позиция, по которой нам хотелось бы проанализировать имеющиеся немецкие данные и сравнить их затем с рус-

ским корпусом примеров, – **формальное соотношение детских окказионализмов (дет.) и конвенциональных слов (кон.)**, т. е. лексем литературного языка.

В немецком корпусе [Meibauer 1995] мы выделили следующие типы соотношения новообразований и конвенциональных слов, сравнив их с русским материалом ([Харченко 1994] и материалы А. Зинкевич):

1. **Упрощение морфологической структуры** окказионализма по сравнению с конвенциональным словом: кон. *Polizeiwagenfahrer* ‘водитель полицейского автомобиля’ – дет. *Polizeiwager*; кон. *Bauarbeiter* ‘строитель’ – дет. *Beiter* досл. ‘...итель’. Как видно из примеров, в этой группе можно выделить несколько подгрупп – упрощение трёхчастного композита в двухчастный; упрощение двучастного композита в не-композит. Характерной чертой новообразований типа *Polizeiwager* является то, что в большинстве случаев опускаются глагольные компоненты сложного слова (*Polizeiwagenfahrer*, ~~*Bauarbeiter*~~, *Schraubenzieher* и т. д.) и ребёнок образует слово от первой части композита с помощью прибавления (сохранения?) суффикса *-er*. При этом становится явным: ребёнок ещё не чувствует, что именная производящая основа в словах с суффиксом *-er* (**N+er**) на порядок менее продуктивна в немецком (и во многих других языках), чем тип **V+er** [Meibauer 1995: 139].

Малая, особенно по сравнению с немецким языком, представленность в русском языке словосложения позволяет предполагать, что в русской детской речи этот тип соотношения детских и конвенциональных слов почти не представлен. Это подтверждается русской составляющей нашего материала – ни в одном из заявленных источников такого типа соотношения детских и литературных слов не отмечено.

2. **Замена производящего слова.** В эту группу мы отнесли детские окказионализмы, при производстве которых ребёнок использовал не конвенциональный производящий глагол или существительное, а другое слово из того же семантического (ассоциативного) поля: кон. *Dieb* ‘вор’ – дет. *Klauer* досл. ‘крадун’

(от глагола *klauen* – синонима глагола *dieben* ‘красть, воровать’); кон. *Pilot* ‘лётчик’ – дет. *Flugzeuger* (досл. *самолётчик*); кон. *Brandstifter* ‘пожарный = пожарник’ – дет. *Feurer* (досл. *огневик*); кон. *Zeh* ‘палец ноги’ – дет. *Fußler* (досл. ‘ножник, ступник’; *Fuß* ‘ступня’) и т. д. Как видно, здесь явно выделяются две подгруппы: в одной ребёнок использует тот же класс слов в качестве производящей основы, что и в литературном языке (кон. *Dieb* ‘вор’ – дет. *Klauer*), в другой – производящая основа в конвенциональном слове и в детском окказионализме принадлежат разным частям речи (кон. *Fahrer* ‘водитель’ от глагола *fahren* – дет. *Wager* досл. ‘машинник’ от существительного *машина*).

В этой группе русский материал показывает примерно такую же картину, как и в немецкой составляющей: кон. *вор* – дет. *крудун*, кон. *лётчик* – дет. *самолётчик* и т. д.

3. Создание композитов. Сюда мы отнесли окказионализмы в детской речи, которые не имеют однословных соответствий в литературном языке, где представлены описательно: *Verstecker* – ‘прятальщик; человек, который что-то прячет’, *Uhrgucker* – ‘часосмотритель; человек, который смотрит на часы’. Группа представлена в немецкой части наших материалов большим количеством лексем и менее продуктивна в детской русскоязычной речи: дет. *тортоед* ‘человек, любящий торты’.

Вторая позиция, по которой мы проанализировали имеющийся материал, – **когнитивные основы появления разных типов детских окказионализмов.**

Механизмы, по которым в речи ребёнка появляются словообразовательные окказионализмы первого типа (упрощения), как нам представляется, находятся в русле, с одной стороны, общей тенденции к экономии речевых усилий, а с другой – ограниченным объёмом оперативной языковой памяти ребёнка в раннем возрасте. И в данных Й. Майбауера, а также в примерах В.К. Харченко и А. Зинкевич большинство окказионализмов первого типа относится к возрасту от 2-х лет до 4-х лет. Это согласуется с мнением [Kauschke, Schröder, Ria de Bleser 2003] о том, что про-

гресс в овладении такими морфологическими процессами, как словосложение и словообразование наблюдается с третьего года жизни, но в этом возрасте эти навыки ещё не закреплены [Kauschke, Schröder, Ria de Bleser 2003: 91]. Кроме того, мы объясняем появление усечённых композитов или откомпозитных простых окказионализмов типа *Tennisballer* вместо *Tennisballspieler* тем, что часто тут идёт речь не о полноценном словообразовании «с нуля», а о редуцировании ребенком уже воспринятых, ранее слышимых конвенциональных форм. Это подтверждается, на наш взгляд, фактами самокоррекции, о которых пишет Й. Майбауер [Meibauer 1995: 156, 158]. Например, вместо первоначального окказионализма *Lastwager* досл. ‘грузовщик’ ребенок управляет сам себя на кон. *Lastwagefahrer* ‘водитель грузового автомобиля’.

На вопрос «Почему абсолютное большинство окказиональных упрощённых композитов имеет структуру **N+N+er** или **N+er**?» можно ответить, что это полностью согласуется с данными многих работ о преобладании именной лексики в словаре ребёнка, которые ещё раз подтверждены у Й. Майбауера [Meibauer 1995: 139]. Сюда же относим и т. н. аргумент „Noun Bias“ о предпочтении детьми имён по сравнению с глаголами и другими рядами слов [Gentner 1982]. Но если рассматривать данный тип новообразований как упрощение уже усвоенных ребёнком композитов, то вопрос можно сформулировать следующим образом: «Почему ребёнок оставляет, как правило, именную составляющую композита?». Здесь к первому ответу можно добавить предположение, что ребёнок просто ориентируется на первый компонент в сложном слове, который в абсолютном большинстве случаев имеет именной характер в немецком языке.

Объяснение механизмов образования детских окказионализмов второго типа с производящим глаголом (кон. *Dieb* ‘вор’ – дет. *Klauer* досл. ‘крадун’ или, например, дет. *Halter* от глагола *halten* ‘держат’ на месте кон. *Haken* ‘крючок’ и т. д.) противоречит, на первый взгляд, вышеприведенному тезису о предпочтении детьми имён по сравнению с глаголами. Но не следует забы-

вать, что отглагольное словообразование всегда присутствует в речи ребёнка, просто с возрастом происходит увеличение «глагольной квоты» в детской речи. Например, С. Kauschke и А. Stan отмечают: «Также и в языках с первоначальным доминированием имени было замечено, что численное соотношение между именем и глаголом в процессе развития (ребёнка) меняется на противоположное. Из-за заметного роста числа глаголов при спонтанном говорении на третьем году жизни глагольная составляющая уже заметно превосходит именную» [Kauschke, Stan 2004: 195].

Можно сказать, что образование окказионализмов по отглагольной модели имеет в своей основе фиксацию актуальной для говорящего ребёнка активности называемого субъекта: *Aufnehmer* (досл. ‘записывальник’ вместо *Kassettenrecorder*, кассетный магнитофон). И делает ребёнок это, ориентируясь на уже усвоенный глагол, который с помощью *-er*-деривации он превращает в искомое существительное, закрывающее лакуну в номинативной картине мира ребёнка.

А образование отыменных окказионализмов второй модели имеет в своей основе фиксацию понятной и актуальной для ребёнка внутренней формы называемого субъекта (кон. *Pilot* ‘лётчик’ – дет. *Flugzeuger* досл. *самолётчик*; кон. *Reporter* ‘репортёр’ – дет. *Berichter* досл. *рассказывальщик*; кон. *Fahrradlenkstange* ‘руль велосипеда’ – дет. *Kurver* досл. *поворотник* и т. д.).

Многие исследователи отмечают, что одна из причин появления детских окказионализмов – заполнение речевых лакун ребёнка, овладевшего словообразовательными механизмами, но не закрепившем ещё конвенциональные наименования реалий. Однако почти никто не задаётся вопросом, а **сколько времени проходит между этими двумя событиями – образованием окказионализма и его заменой на конвенциональную лексему**. Это будет третьим вопросом, который мы хотели бы затронуть в статье.

Для ответа на этот вопрос мы сопоставим данные Бристольского корпуса норм в овладении языком [Clark 1993] с данными о

времени образования рассматриваемых нами детских окказионализмов [Meibauer 1995].

Слово (понятие)	Средний возраст овладения конвенциональным словом (Бристольский корпус)	Возраст создания окказионализма (по Й. Майбауеру)
Henkel (handle)	5.4	2.0
Schütze (shot)	5.0	3.09
Haken (hook)	5.5	2.3
Hebel (handle)	5.4	3.04
Faust (fist)	5.1	3.06
Verfolger (pursue)*	8.9	3.06
Stütze (prop)	7.7	3.10
Falte (fold)	5.5	4.0
Kassettenrecorder (record)*	6.1	4.0
Postbote (post)*	5.0	2.5
Holzhacker (cutter)*	6.0	2.6
Fahrer (drive)*	4.7	2.6
Fahrradlenkstange (draw = lenken)*	4.4	2.10

Знак * – примерные соответствия.

Даже исходя из сопоставления этих скромных данных, можно сказать, что в среднем проходит 2–3 года от создания детского наименования объекта действительности до овладения общепринятым его наименованием.

Четвёртой позицией в статье станет обсуждение **параллелизма детских и субвариететных окказионализмов**. При анализе русских детских окказионализмов, особенно *Nomina agentis* и *Nomina instrumentis* (типа *писалка*, *крутилка*) нередко обращает на себя внимание не просто сходство, а часто их идентичность с жаргонными, просторечными, сленговыми и т. п. словами. Мы также изучили вопрос о том, существует ли и в немецком языке подобный параллелизм. Оказалось, что картина очень похожая.

В таблице выше даны некоторые примеры из немецкой и русской детской речи (корпус Й. Майбауера, данные А. Зинкевич, словарь В. К. Харченко) и их параллели в субвариететах (суб.) двух языков.

Nomina agentis в детской речи
(на материале немецкого и русского языков)

Примеры немецких детских окказионализмов, совпадающих с различными субвариететами	Примеры русских детских окказионализмов, совпадающих с различными субвариететами
<p>Дет. Hinschmeißer досл. 'бросальник, кидальник' – тот, кто что-то бросает, кидает. В журнале «Шпигель»:</p> <p>суб. Hinschmeißer – профессия, которую, как правило, быстро бросают, долго не работают по этой специальности.</p>	<p>Дет. аварийник 'работник аварийных служб'</p> <p>Суб. аварийник</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. житель аварийного дома 2. запасной мотор 3. работник аварийной службы 4. мотоцикл, машина после аварии
<p>Дет. Hänger досл. 'висяк' – лит. Haken 'крючок'.</p> <p>Суб. Hänger – разговорная форма, обозначающая ситуацию, когда говорящий забывает, о чём говорил (англ. "blackout"): <i>Ich habe grade einen Hänger</i> (досл. 'У меня висяк') можно было бы перевести рус. жаргонным: <i>Я завис, подвис</i>.</p>	<p>Дет. базарник 'человек, торгующий на рынке'.</p> <p>Суб. базарник 'человек, торгующий на рынке'</p>
<p>Дет. Zugucker досл. 'зырящий' вместо лит. Zuschauer 'зритель, наблюдатель'.</p> <p>Суб. Zugucker 'свидетель, наблюдатель'</p>	<p>Дет. гаражник 'человек, работающий в гараже'</p> <p>Суб. гаражник 'человек, работающий в гараже'</p>
<p>Дет. Pausemacher 'человек, делающий паузу'</p> <p>Суб. Pausemacher с таким же значением – название фото в Интернете</p>	<p>Дет. дрельщик 'человек, работающий дрелью'</p> <p>Суб. дрельщик</p> <p>У Валентина Катаева («Алмазный венец») – <i>Ну это ты мне не заливай. Дрельщик! – сказал он, искренне не поверив в вагон ресторан. Это pokazалось ему настолько фантастичным, что он даже назвал меня этим жаргонным словом «дрельщик», что обозначало фантазер, выдумщик, врунишка.</i></p>
<p>Дет. Feuermacher досл. 'делатель огня', для обозначения вулкана.</p> <p>Суб. Feuermacher 'человек, занимающийся разведением огня, фейверком и т.п.'</p>	<p>Дет. крадун 'вор' - Суб. крадун. В Баку пойман крадун кошелеков.</p> <p>Приговоренный к лишению свободы «крадун» получил еще один срок.</p>

Понятно, что механизм образования детских и «взрослых» окказионализмов разный. Для ребенка это, в абсолютном боль-

шинстве случаев, заполнение номинативной лакуны через регулярную словообразовательную модель (слово может совпасть с литературным или нет). У взрослых же возможны разные варианты модели образования окказионализмов: «детская модель» – создание несуществующего в языке наименования (например, просторечное *ковырялка* и т. п.); «языковая игра» – сознательная альтернатива конвенциональному слову (*стирака* – стиральная машина) и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Харченко, В. К.* Словарь детской речи. Белгород, 1994.
- Clark, E.* The Lexicon in Acquisition. Cambridge, 1993.
- Gentner, D.* Language thought and culture // *Language development*. 1982. Vol. 2. Hillsdale, N.J. S. 301–334.
- Kauschke, C., Stan, A.* Lexikalische und semantische Entwicklung am Beispiel kindlicher Benennleistungen // *Linguistische Berichte*, 198, 2004. Hamburg. S. 191–219.
- Meibauer, J.* Neugebildete -er- Derivate im Spracherwerb. Ergebnisse einer Langzeitstudie // *Sprache & Kognition*, 14, Heft 3. Bern, 1995. S. 138–160.
- Schröder, A., Kauschke, C., De Bleser, R.* Messungen des Erwerbsalters für konkrete Nomina // *Neurolinguistik*, 17/2. 2003. S. 83–114.
- The Bristol Norms for Age of Acquisition // http://language.psy.bris.ac.uk/bristol_norms.html. Время доступа 29.03.2012.